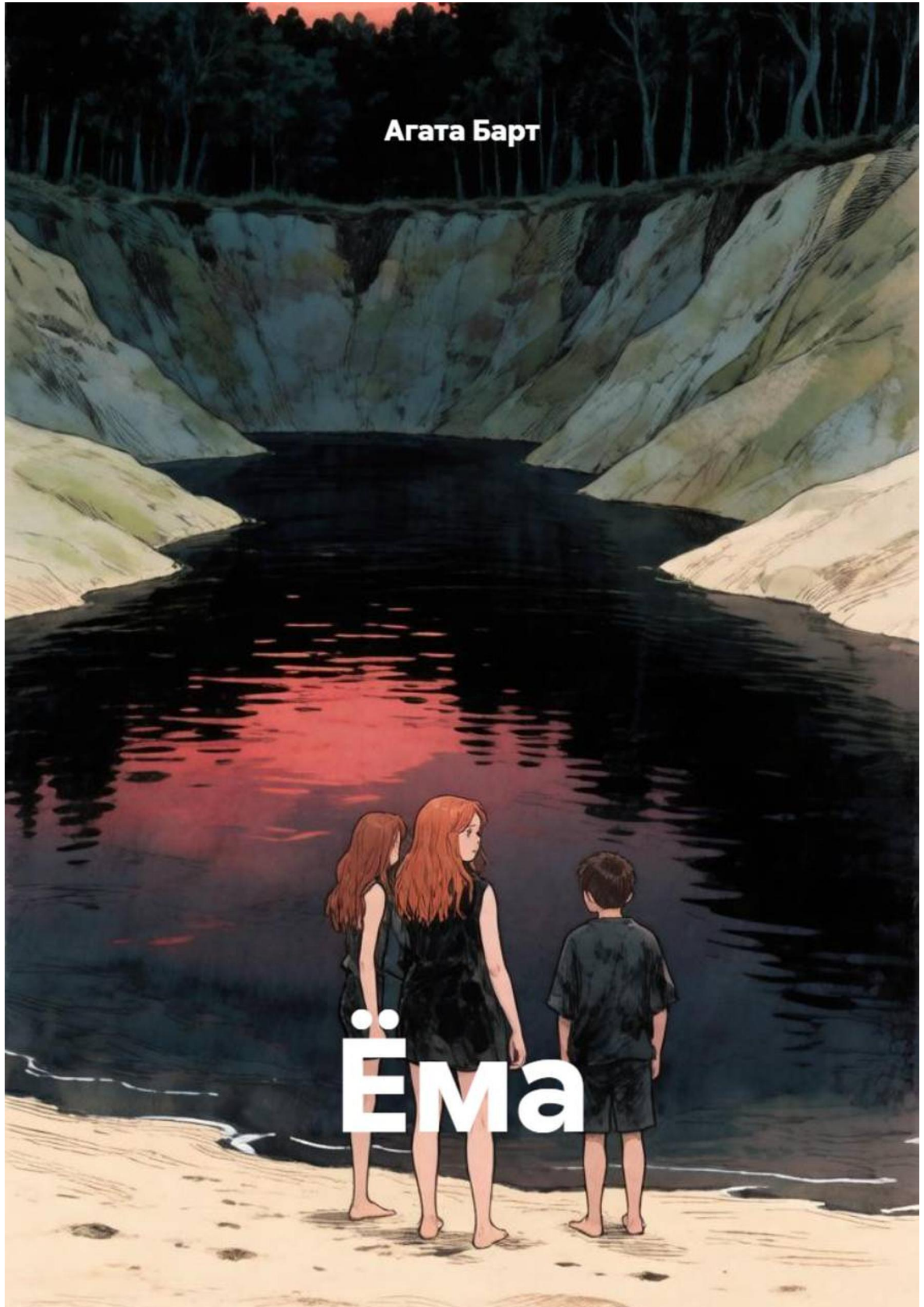

Агата Барт

Emma

Агата Барт

Ёма

«Автор»

2026

Барт А.

Ёма / А. Барт — «Автор», 2026

Действие рассказа разворачивается в знойном августе последних лет уходящего века в небольшом северном поселке. Трое подростков проводят каникулы у бабушки. Их жизнь состоит из простых, но тяжелых забот: носить воду из единственной ржавой колонки, чтобы полить пересохшие грядки, напоить скотину и просто выжить в этой липкой духоте. Заурядный поход за водой превращается в череду приключений: жаркий полдень, встреча с болтливыми соседками, долгожданное купание в местном карьере. Именно здесь обычный день оборачивается опасностью. Этот момент становится переломным: за показной бравадой героев открывается уязвимость и страх, а между сёстрами происходит негласное примирение. Вечером, за чаем Аня пугает младших жуткой историей о карьере, которую тут же разоблачают как выдумку, но она задаёт тон дальнейшим приключениям.

© Барт А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	22

Агата Барт Ёма

Глава 1

На конце ржавой трубы, изогнутой, как ручка трости зловещей старухи, болталось ведро, его былой белизны уже не угадать, оно отдавало желтизной старого ногтя, а вместо ручки ходила ходуном толстая алюминиевая проволока. Сашка, квадратный парнишка с мокрыми висками, всем корпусом навалился на рычаг, тот заскрипел, застонал, но поддался.

А потом труба выдохнула, свистяще, хрипло, и ледяная струя с грохотом плюхнулась в пластмассовое нутро. Воздух вокруг схватился морозным ожогом, на метр разбежалась колючая свежесть, и кожа у каждого на мгновение выдохнула, будто ей дали глотнуть кислорода после вечной духоты.

Аккуратно, придерживая, трясущееся от напора воды, хлипкое ведро, Соня, старается ловить холодные капли, выбивающиеся из шумного потока, и пока они не успели нагреться, растирает их по вспотевшим рукам, лицу и шее.

– Да я сейчас просто сдохну! – сипит Сашка, наливаясь багрянцем, и из последних сил удерживает рычаг в повиновении, пока ведро не перехлестывает через край, вода уже хлещет через борта, заливает ноги ледяным безумием, но рычаг все не отпускает, будто знает, что даже этой потопной щедрости мало, чтобы смыть эту липкую душность.

Соня, ничего не ответив, стянула ведро с трубы и перелила воду в сорокалитровую алюминиевую флягу, та стояла на самодельной тележке, и от тяжести тележка осела, жалобно скрипнув.

«Ну-ка, надави», – сказала Соня, подставив сложенные лодочкой ладони под трубу. Сашка снова налег. И снова лед ударил по коже, резко, без предупреждения.

Август дышал в затылок. Тот самый, девяносто шестой? восьмой? девяносто девятый? Неважно. Век уходил, и июль выжег северный посёлок до хруста, до трещин на земле. Вода в колонке, что сиротливо ютилась на краю поселка была единственной живой артерией, и городские подростки, обречённые всего то через пару месяцев на долгую зимнюю тьму, выжимали из остатка лета всё до последней капли.

Соня и Сашка, сверлили взглядом ведро, которое билось в конвульсиях под напором. Они знали: за всё хорошее надо платить. За это лето – поливкой бабушкиных грядок. За воду для морковки, репы и редиски сгодится и болотная жижа, но для коровы, для кур, для них самих – только отсюда, с общей колонки на краю посёлка. Отказаться от повинности было нельзя: бабушка прощала шалости, но не лень, да и сами они уже понимали, что радость без труда – как тот самый август без воды: пустой звук.

И когда ведро наполнилось в очередной раз, а Сашка, отдышавшись, уже открыл рот, чтобы выдохнуть ругательство, с дороги донеслось ленивое, вязкое шарканье. Кто-то шёл, не торопясь, волоча ноги по пыльной грунтовке

Из жёлтой дорожной пыли, как из раскалённого марева, вынырнули две женские фигуры. Они шли неторопливо, подошвами выбивали из-под ног сухую взвесь, и та оседала на голенищах туфель.

– Очередь, что ли? Вы с какого двора, молодёжь? – первая, чей возраст ускользал в той расплывчатой поре между сорока и пятьюдесятью, шагнула ближе и заглянула в алюминиевую утрубу фляги, будто проверяла честность наполнения. – Долго ещё?

– Нет, – фыркнул Сашка, даже не повернув головы.

– Да это Тамарины внуки, – вторая, чуть помоложе, поправила на ходу выбившийся из-под фартука край домашнего платья и приблизилась с той особой, участливой приветливостью, которой в маленьких посёлках встречают всякую живую душу. – Здорово, молодёжь. Надолго к бабушке?

– Здравствуйте, тётъ Галь. До конца лета, – ответила Соня, и голос её прозвучал глухо, она уже мысленно нырнула в спасительную тень, которой здесь, у колонки, не было и в помине.

– А бабушка как? Жива-здоровая?

– Да, – коротко кивнула Соня, и её взгляд на миг задержался на вишнёвых пятнах загара, проступающих на собственных предплечьях.

Тётя Галя, словно спохватившись, перевела озабоченный взгляд на небо, приставила ладонь козырьком ко лбу и переключилась на спутницу:

– Петровна, а что с погодой-то? Дожди обещают? Как жарит-то, господа...

– Обещают, – отозвалась Петровна, но тут же увяла под прямыми лучами, потеряв всю свою разговорную потенцию. Она только поджала губы и уставилась на флягу, словно та могла родить облака, – молча, строго, без единого лишнего жеста.

Дай Бог, дай Бог, – Тётя Галя, однако, не заметила этой немой отчуждённости (или сделала вид), и принялась причитать о своей многострадальной картошке, о плантациях укропа и петрушки, которые вот-вот превратятся в сушняк, о том, сколько вёдер воды она выливала и сколько ещё предстоит вылить, пока август не сжалится.

Саша между делом перелил очередную порцию – до края, до зеркальной каёмки, и Соня, не сговариваясь, накрыла горловину крышкой, ловко накинула петлю на крючок и щёлкнула нехитрым замком.

– Всё! – выдохнул Сашка, и в тот же миг его нога предательски поехала по мокрым, скользким доскам. Он взмахнул руками, чуть не рухнул в пыль, но на последнем дыхании вцепился в рычаг и устоял, как матрос на палубе во время шторма.

Но сестра уже стояла у трубы с пустым ведром.

– Давай еще немного наберем.

Она взглянула на брата, и тот закатил глаза, целых два года разницы давали ему право на немую тираду о несправедливости мира, однако руку к рычагу протянул безропотно.

И пока сестра сползала с мокрого подмостка, Сашка, как и подобает настоящему мужчине (пусть и на два года младше), перехватил оглобли тележки, взялся за флягу и, напрягшись, потянул своё железное брюхо прочь от колонки, навстречу бабушкиным грядкам.

Он шёл не просто к грядкам, он шёл к бабушкиной морковке, к пересохшей земле, к тому самому августу, который требовал жертв. И в каждом шаге, в каждом скрипе колеса было что-то торжественное и немного нелепое, как и положено настоящему подвигу в одиннадцать с половиной лет.

Узкие колёса, тонкоспинные, с резиновыми ободами, дребезжали на каждом камне так, будто тележка собиралась рассыпаться прямо на ходу. Они спотыкались, вязли в выбоинах, буксовали на ровном месте, и вся конструкция жалобно скрипела, словно её пытали уже сотню лет.

Соня семенит рядом, одной рукой придерживает покрывшуюся множеством мелких холодных капель флягу, в другой, стараясь не расплескать, несет наполовину наполненное ведро.

– Достало меня так ходить! Вёдра эти достали, фляга эта проклятая, – Сашка остановился. Бросив ручку на землю, взялся за нижний край футболки и стал махать им вверх-вниз, стараясь загрести побольше воздуха.

– Может, в доме скоро починят насос, и не будем таскаться с этой байдой. – Соня пнула по колесу. – Бесит, – и, зачерпнув из ведра пригоршню ледяной воды, она с размаху швырнула её в брата.

Тот прищурился, подставляя лицо влаге.

– Дай Бог, дай Бог, – Сашка передразнил тётю Галю, и, растянув губы в довольной ухмылке, наклонился вперед и развел руки в стороны, – ещё. – Соня обрызгала его еще раз.

Аня пришла с болота того самого, что в тени леса, где вода ещё не успела пересохнуть даже в это проклятое лето, была тёплая, как парное молоко, пахла прелой травой, и для поливки грядок годилась идеально.

И ровно в этот миг, будто по команде театрального режиссёра, калитка распахнулась и во двор торжественно въехала процессия. Сашка, красный как рак, Соня придерживает флягу и ведро, в котором уже не нет воды (вся она ушла на полив Сашки в дороге). И непосредственно сама фляга, торжественно восседающая на дребезжащей и готовой вот-вот испустить последний стон и отдаться на волю тележным богам тележке с лысыми ободами колес.

– Задолбалась – прыснула Аня, – а еще поливать.

Она лениво поднялась со скамейки и деловито окинула взглядом прибывший отряд.

Потом, с нарочитой суровостью, которую сама же и придумала для этого момента, она пнула валявшиеся у ног резиновые тапочки. Те, подчиняясь законам физики и капризу хозяйки, разлетелись в разные стороны один шлёпнулся о крыльцо, второй приземлился у пересохшей бочки для дождевой воды. Аня проводила их траекторию профессиональным взглядом метателя, убедилась, что радиус разлёта полностью соответствует её ожиданиям и зашла в дом.

Процессия, громко пыхтя, подтащила царь-флягу к крыльцу дома.

– Угу, польем, – Соня закинула под скамейку пустое ведро и плюхнулась на траву, – вот жарень то!

Из открытого окна кухни донеслось лязганье. Аня вышла с ковшом, большим, синим, с облупившейся эмалью. Крышка фляги звякнула, отлетая в сторону, ковш нырнул в тёмную воду, и тишина двора на мгновение наполнилась сытым, хлюпающим звуком.

– И мне оставь, – Сашка снял мокрую футболку и швырнул её на скамейку.

– Сам наберешь – промычала Аня, не отрываясь от ковша. Она пила жадно, большими, неуклюжими глотками, и вода лилась по подбородку, сбегала по шее, расплзалась тёмными разводами по футболке.

– Э! – Сашка подскочил. – Экономнее! Я больше на колонку не пойду, поняла?

Аня не ответила. Она даже не подняла глаз только, не отрываясь от ковша, лениво вытянула руку и показала брату средний палец. Коротко, беззлобно, как само собой разумеющееся.

– Может, на лягушатник? – Соня уже отошла в глубь двора, туда, где старая берёза развесила свою огромную, прохладную крону. Она прислонилась спиной к длинному столярному столу, который когда-то дедушка сколотил для мелких работ строгал на нём, чинил, мастерил. Дедушки не стало прошлой зимой. Но стол, казалось, вообще не собирался стареть: он крепко стоял на вросших в землю толстенных ногах, тёплый от солнца, пахнувший стружкой и временем, и будет стоять ещё много лет после того, как они все вырастут и разъедутся.

– О, класс! – Саша выхватил из рук сестры ковш. – Пойдем-пойдем!

Вода плеснулась через край, окатив ему ноги, но он не заметил уже весь там, на лягушатнике, в прохладе и приключениях.

– Польём и пойдем. – Аня собрала разбросанные тапочки.

– Ладно, – Соня дернула ручку двери сарая, дверь жалобно скрипнула на проржавевших петлях и приоткрылась, оголив полутьму, пахнущую сухой травой, железом и старыми ведрами. – Ща лейки принесу.

Глава 2

Лягушатник – название, которое не требовало объяснений. Все знали: это там, где старый карьер, откуда раньше возили песок. Теперь там стоит вода. Карьер имеет форму длинной капли, не идеальной, чуть корявой, но узнаваемой. Примерно на середине его перегораживает насыпь, жёлтая, песчаная, оставшаяся от старых работ, она делит водоём на две половины: одну, узкую, похожую на хвостик запятой, и другую, широкую, округлую, как брюшко лягушки, сидящей на теплом камне.

В мелкой части вода тёплая, прозрачная, с изумрудным отливом, и к середине июля она неизменно покрывается зелёной ряской, как старая простыня, которую забыли снять с верёвки. Плавать там невозможно. Но очень приятно бродить, раздвигая жидкую зелень ногами, зарываясь ступнями в нагретый песок, чувствуя, как он утекает между пальцев, мягкий и тёплый, как сон.

Другая половина всегда тёмная, глубокая, с водой, которая не прогревается даже в самое пекло. Она стоит серая и тяжёлая, всегда чуть холодная, будто под ней прячется вечная зима. Старики говорят, а молодежь вторит им, добавляя красочных, а чаще зловещих подробностей, о том, что со дна бьют ключи, ледяные, упрямые, и будто бы именно они когда-то перессорились с рабочими, что добывали песок, заставили их бросить работу, забрать технику и уйти, оставив карьер доживать свою песчаную жизнь в покое.

Но сейчас, в это жаркое лето, узкая часть капли почти пересохла. Вода стоит тонким прозрачным слоем, сквозь который насквозь просвечивает жёлтое песчаное дно, потрескавшееся по краям. Берега вокруг буйно, нагло, по-хозяйски заросли яркой сочной травой, зелёной, как расплавленный изумруд.

И песчаная граница между двумя половинками, которая в обычный год была не шире полутора метров, сейчас раздалась вширь, расплзлась, обнажив жёлтые, выжженные языки песка. Вода отступила.

– Мда, – Соня остановилась на краю карьера, прищурилась, окинула водную гладь внимательным, хозяйским взглядом. – Как будто воды ещё меньше стало.

– Пересохнет скоро, – Саша смотрел куда-то вдаль, поверх воды, поверх берегов, будто там, за лесом, что простирался от другого берега карьера до самого горизонта, прятался ответ на все вопросы.

Аня молчала. Она просто шагнула с твёрдой, нагретой земли. Её нога скользнула вниз по песчаному склону, оставляя за собой мелкую россыпь жёлтых зёрен. Остальные потянулись за ней, как за вожакom.

У самой воды девочки, не сбавляя шага, стянули с себя одежду, та падала на песок с лёгким шорохом, и, оставшись в купальниках, влетели в воду. Пруд принял их с гулким, влажным плеском, и вода, тёплая сверху и холодная у дна.

Сашка замешкался на берегу, переминаясь с ноги на ногу, потом тяжело, с присвистом, стянул футболку, скинул шорты и, оставшись в одних трусах, разбежался и сиганул в пруд. Тело его вошло в воду с громким шумом, и целый веер брызг взметнулся в воздух, обдав сестёр с головы до ног. Аня взвизгнула, по-настоящему, звонко, и, не сговариваясь, ответила тем же: пригоршня ледяной воды полетела в брата. Тот увернулся и, ничуть не замешкавшись, зарядил в ответ. Началась веселая возня, с визгами, смехом и водой, летящей во все стороны.

Соня плавать не умела. Её купание было ленивым и осторожным, она барахталась у самого берега, не решаясь отойти глубже, чем по грудь, и с восхищением смотрела на старшую сестру. Аня в разгаре весёлой битвы вдруг нырнула. И пропала, и вода над ней сомкнулась, как занавес. Соня замерла, вглядываясь в тёмную глубину, и уже через несколько секунд Аня

возникла из воды на другом конце карьера, мокрая, сияющая, как русалка, которая случайно вынырнула в человеческом мире.

Пока Аня наслаждалась плаванием, бесстрашно исследуя карьерную глубину, Сашка, уставший от избыточной активности, выбрался на берег. Он плюхнулся на песок рядом с Соней, и оба сидели, глядя на воду, на сестру, на небо, которое светило уже совсем по-вечернему, золотым, тягучим светом.

– Слабо до середины? – Аня посмотрела на Соню, прищулив один глаз, и губы её изогнулись в той самой улыбке, которую младшая знала наизусть – недоброй, чуть насмешливой, с привкусом вызова. Она уже вышла из воды и сидела рядом, обхватив колени руками, мокрая, сияющая, вся – воплощение лёгкости и превосходства.

– Чего? – нахмурилась Соня и тут же ощутила предательский холодок в районе ключиц, сперва слабо, а потом сильнее он сдавил над грудью и острым дротиком устремился внутрь.

– Доплыть до середины. – Старшая сестра приподняла бровь и кивнула в сторону серой пучины, которая сейчас, казалось, стала еще темнее.

– Нет, – выпалила Соня, и сама испугалась собственной решительности. Но признаться в страхе было нельзя. Аня вмиг прилепит к ней обидное прозвище. Придется ходить с ним, пока сестра не забудет, пока не придумает новое, ещё более колкое.

– Ну-ну, – Аня растянула сжатые губы в ухмылке и взмахнула ладонью в приглашающем жесте. Этот жест был красноречивее любых слов: «давай, покажи, на что способна».

Соня молча поднялась. Сделала шаг вперёд, и вдруг страх, который сжимал горло, исчез. Вместо него пришла злость, горячая, колючая, которая всегда пряталась где-то в груди. Желание доказать, что она тоже что-то может, что она не трусиха, не тряпка, не та, кого можно вечно дразнить.

Она зашла в воду по пояс, глубоко и нервно вдохнула, а потом – будто выбросила весь воздух наружу и взбила руками серебристую рябь, разрывая гладкую поверхность.

– Ну! – донеслось из-за спины. Коротко, требовательно.

– Дура, – прошептала Соня и, опустившись в воду, совершила руками те самые движения, которые видела у других. Она обозвала дурой не сестру. Она обозвала себя. За то, что всегда – всегда! – вот так легко велась на провокации. Не только Анины, а вообще всех, кто умел давить, манипулировать, подкалывать. В голове внезапно закружились моменты: школьные обидные насмешки, взгляды старшеклассников, слова, которые застревают в памяти, как занозы. И зачем-то ей показалось, что если она проплывёт эти «всего-то пару метров», то все обиды сотрутся. Растворятся в воде. Перестанут существовать. И она перестанет быть трусихой. Раз и навсегда.

Потом, спустя годы, Соня поймёт, что это не была трусость. Она найдёт другое слово, назовёт это адекватной оценкой рисков. Предвидением последствий. Тем самым навыком, который однажды спасёт её от множества глупостей, которые совершают смельчаки, не умеющие вовремя остановиться. Это станет её преимуществом, её защитой, её тихой силой. Но сейчас, в этом августе, в этой серой карьерной воде, она просто плыла. Потому что надо было доказать, доказать самой себе.

Сейчас она пыталась, как умела, как могла, бороться с тем, что сверстники называли трусостью, клеймили, высмеивали, прилепляли обидные ярлыки, от которых не отмыться, даже если выйти из воды.

Теорию плавания Соня знала. Видела, как двигают руками другие, как дышат, как отталкиваются ногами. Но знание – оно холодное, книжное, оно не греет в воде и не помогает, когда лёгкие сжимаются от страха. Теория мертва без практики, а практика – это страх, который нужно перешагнуть.

Соня зажмурилась. Оттолкнулась ногами от дна, и понеслась.

Неуклюже, по-собачьи, с торчащей головой и бешено работающими руками. Наверняка они смеются. Наверняка Аня уже открыла рот, чтобы съязвить. Но это будет потом. Потом, когда она выйдет, когда отдышится, когда снова станет собой. А сейчас – она плывёт. Ей не слабо. И пусть Аня подавится своим поганым «слабо», пусть оно утонет в этой карьерной глубине вместе с её насмешкой.

И вдруг всё исчезло.

Вода обступила её со всех сторон, серая, прохладная, безразличная. Она осталась одна на один с этой бездной, которая приняла её в себя, как принимает всех, кто решился нырнуть. Берег пропал. Брат и сестра пропали. Голоса, смех, солнечные зайчики – всё исчезло не просто из виду, а из жизни, из времени, из самого воздуха.

Наступила безмятежность. Тихая, плотная, как эта вода.

Соня перевернулась на спину, развела руки и ноги в стороны – перестала грести, перестала бороться, просто легла на поверхность, доверившись воде, как старому другу. Она лежала, глядя в небо, и тело её покачивалось на лёгких волнах, и время остановилось.

Так прошло несколько минут. Или целая вечность.

С берега донесся пронзительный свист – резкий, требовательный, вырывающий из этого забытья.

«Отвалите», – пронеслось в голове лениво и равнодушно.

Но потом Соня почувствовала, что солнце больше не греет лицо. Тень упала на неё – холодная, чужая. Она открыла глаза и не увидела неба. Только что-то тёмное, нависающее сверху, закрывающее свет и воздух.

Дальний берег карьера, тот, что напротив песчаного пляжа, вплотную подступал к лесу и нависал над водой на несколько метров – отвесный, ненадёжный, с постоянно осыпающейся землёй. Корни деревьев, обнажённые, спутанные, тянулись к воде, как щупальца, и где-то под ними пряталась тёмная арка, вымытая временем и дождями.

«Мамочки!»

Холодная вода сомкнулась вокруг тела, а с трёх сторон – земля, глина, корни. Темнота. Соня успела громко вскрикнуть, коротко, отчаянно, и судорожно принялась перебирать руками, пытаясь разгрести воду, которая вдруг стала густой и вязкой, как кисель. Ноги не слушались. Горло сдавила паника, липкая, ледяная, не дающая дышать.

Она беспорядочно молотила ногами, пытаясь нащупать хоть какую-то опору, но испуганный разум услужливо подкинул мысль, что дна здесь нет. Совсем. И кисель этот, холодный, серый, безразличный начинает поглощать её, засасывает, затягивает в своё нутро, где нет ни света, ни воздуха, ни надежды.

В какой-то момент рука наткнулась на что-то склизкое. Соня дёрнулась, сердце успело упасть и со звоном докатилось до самых пяток, из пяток обдало злым холодным ужасом, но через секунду дошло: это корень. Толстый, накрепко впившийся в землю, надёжный. Она ухватила за него обеими руками, прижалась всем телом к земляной стене маленькой пещерки, а ноги тем временем шарили под водой в поисках опоры. Пальцы ног судорожно рыли землю, скребли песок, пока не нащупали ещё один корень – гладкий, толстый. С первой попытки соскользнула. Со второй – зацепилась.

Теперь можно было выдохнуть. Оценить ситуацию. Понять, где она и как отсюда выбираться.

Главное – чтобы они не позвали взрослых. Это будет катастрофа. Бабушка, а потом и мама, все эти объяснения, как она умудрилась заплыть под обрыв, какого чёрта она вообще туда сунулась. Нет, только не взрослые.

Можно попытаться выплыть. Нужно только посильнее оттолкнуться от стены, и дело в шляпе. Здесь наверняка не очень глубоко, у страха, как говорят, глаза велики.

Соня отпустила корень одной рукой, спустила ногу в воду, пытаясь нащупать дно. Не вышло. Ещё раз – пришлось занырнуть с головой. Снова пустота. Только холодная, бесконечная глубина.

Можно попытаться выбраться по краю, цепляясь за корни, как по канату. Она пошарила рукой вокруг – ничего. Только мокрая земля, осыпающаяся под пальцами, и пустота.

Придётся плыть.

Соня несколько раз глубоко вдохнула, сжала зубы и, гулко выдохнула, снова набрала полную грудь воздуха, согнула ноги в коленях, насколько это было возможно, и резко вытолкнула себя наружу. В этот прыжок она вложила всё – все силы, всю злость, всю обиду. И когда оказалась за пределами тёмной пещеры, поняла: плыть она больше не может. Руки отказывались работать, ноги превратились в вату, а вода – серая, взболтанная, начала заливаться в уши, в нос, в рот. Вдохнуть не получалось.

Вот и всё.

В ту секунду, когда Соня окончательно потеряла силы и любую надежду, когда тело её начало медленно уходить ко дну, руки коснулись чего-то твёрдого, шершавого, толстого. Вербка. Откуда она здесь – думать было некогда. Соня вцепилась в неё мёртвой хваткой, подтянулась к поверхности и что есть мочи заорала:

– ТАЦИ!

Вербка натянулась.

Глава 3

– Вот тебе делать нечего, – Сашка плюхнулся рядом с Аней и, не глядя на неё, выплюнул слова. – Утонет – влетит тебе.

– Да ну, щас! Фигню не неси, – фыркнула Аня, но голос её дрогнул, самую малость, на полтона. Она не повернула головы, не отвела взгляда от воды, но пальцы её, лежащие на коленях, чуть сжались, кожа на суставах едва заметно побелела.

Они наблюдали, как Соня входит в воду. Как она, неуклюже переставляя ноги, отталкивается от берега, неловко, с усилием, будто дно уходит из-под ног быстрее, чем она ожидала. Как она пытается плыть, вернее, не плыть, а как-то кое-как перебирать руками тёмную, тягучую воду, которая сегодня казалась не прозрачной, а мутной, почти чёрной, будто глубина карьера притаилась и ждала.

– Давай назад! – Сашка вскочил, подошёл к самой кромке воды.

Соня не ответила. Вообще было совершенно неясно, слышит она его или нет. Она продолжала двигаться вперёд. Тогда Сашка засунул два пальца в рот и свистнул – пронзительно, громко, так, что эхо ударилось о дальний берег и рассыпалось на мелкие осколки.

– Эй! – донеслось из-за спины, и голос был полон той самой фальшивой бодрости, которой прикрывают настоящий страх. – Совсем уже? Напугал!

– Иди ты! – Сашка резко развернулся и пнул песок – целый фонтан жёлтой пыли взметнулся в сторону Ани, оседая на её коленях, на шортах, на руках. Она даже не стряхнула его.

– Где она? – Аня подскочила, вглядываясь в воду. – Только что была! Она прикалывается над нами? Она это специально?

– Смотри, – Сашка вытянулся струной, впиваясь взглядом в дальний берег. – На том берегу. Под деревом. В дыре. Она там?

– Вот черт! – просипела Аня и в тот же миг почувствовала, как что-то обрывается внутри.

Противоположный от пляжа берег карьера некогда был отвесной стеной, несколько метров обнажённого, слоистого пирога из земли, песка и глины возвышались над водой, отсекая солнце, отбрасывая на поверхность длинную, холодную тень. Верхушку этого пирога украшали невысокие, корявые деревца, чьи корни жадно впивались в обрывистую плоть берега, тянулись вниз, словно слепые, голодные щупальца, которые чувствовали влагу и из последних сил пытались дотянуться до неё, пробиться сквозь спрессованные слои времени.

Но вода сделала своё дело. Медленно, терпеливо, год за годом, она вымывала нижний «корж» этого берегового пирога, точила его, размягчала, превращала в жидкую глинистую взвесь. Слой за слоем, невидимо и неумолимо, она подтачивала опору, пока верхний пласт не повис в воздухе. Так образовалась пещерка под нависшими над водой деревьями, тёмная, с влажными, скользкими стенами, где корни обнажились, как оголённые нервы, и отчаянно, судорожно цеплялись за то, что осталось от берега.

«Дура! Зачем ты отправила её туда?» – мысли понеслись вскачь, одна страшнее другой. Бабушка. Сонины родители. Её будут убивать. Она же не хотела, она просто, просто пошутила.

Аня рванула в обход пруда в сторону противоположного берега. В горле встал холодный, липкий комок, который не проглатывался, не выдыхался, только рос, сжимал гортань.

– СОНЯ! – проорала она в воду. Тишина. Ничего, только мелкая рябь.

В дыре отвесного берега кто-то отчаянно барахтался. Аня металась вдоль кромки воды, но почему-то не решалась войти, не могла заставить себя шагнуть в эту тёмную, холодную воду, в которой всего несколько минут назад так весело плескалась.

– СОНЯ! – ещё раз. И снова никто не ответил.

А потом вода забурлила, и из-под корней показалась голова. Аня выдохнула с таким облегчением, что колени подогнулись.

– Соня!

Но голова то уходила под воду, то выныривала и снова исчезала. Наступила гнетущая, вязкая тишина. Бурление прекратилось. Гладь воды успокоилась, и это было страшнее любых криков.

– Твою мать! – Аня бросилась в воду, даже не чувствуя холода, даже не думая о том, что не умеет плавать так хорошо, как притворялась.

Когда Сашка прибежал к месту событий, он застал сестёр в том тягучем, липком состоянии между страхом и облегчением: Аня сидела на коленях, наклонившись к воде, закрыв лицо ладонями, и плечи её мелко дрожали, она изо всех сил пыталась не расплакаться, и у неё почти получалось. Рядом, лёжа на мокром песке, громко откашливалась Соня, и в кулаке у неё была зажата коса – коса ее сестры, которую она приняла за спасительную веревку, и которую до сих пор не могла отпустить.

– Дуры! – Сашка с силой пнул песок, и жёлтая пыль взметнулась в воздух.

Домой они возвращались молча. Сашка, засунув руки глубоко в карманы, вырвался вперёд и теперь лениво переваливался с ноги на ногу, как усталый маятник. Соня и Аня плелись позади, медленно, вразвалку, растекшись под лучами вечернего солнца – липкими, тягучими, уже не такими злыми, как в полдень, но всё ещё тёплыми.

– Эй! – донеслось откуда-то из-за спины.

Ребята не обернулись. Приняли за ветер, за птицу, за собственную усталую фантазию.

– Эй! – повторилось уже ближе, настойчивее.

На этот раз Сашка всё-таки обернулся. И застыл. Глаза его широко распахнулись, рот приоткрылся, и он едва слышно, одними губами, прошептал:

– Девки... девки, смотрите.

Из кустов, застывших под вечерним солнцем, выглядывала восковая голова. На расстоянии сложно разглядеть, но, кажется, голова улыбалась. Когда голова поняла, что сумела обратить на себя внимание неожиданных зрителей, то потянула за собой шею, плечи и, наконец, вытащив всё, что можно назвать человеком, с нескрываемым удовольствием явила ребятам весь набор.

Зрелище было достойно сюжета какого-нибудь чёрного, несмешного кино, такого какое обычно крутят поздно ночью, когда уже не хочется смеяться, а хочется только спросить: «Зачем?». Невысокий, коренастый, он стоял на дороге с глупой, блаженной улыбкой и совершенно пустыми, стеклянными глазами, в которых не отражалось ровным счётом ничего. Шея его была вытянута вперёд, голова наклонена, и он до смешного походил на ошипанного гуся, который внезапно решил, что он человек. Из всей одежды на нём запоминалась только большая зелёная канистра, которой он кокетливо, почти стыдливо, прикрывался, как дама веером.

Недолго поизучав ребят, так, будто они были экспонатами в музее, восковой человек-гусь поставил канистру, выпрямился, расправил плечи и гордо, с каким-то нелепым величием, развёл руки в стороны, сопровождая всё действие лучезарной улыбкой во все тридцать два зуба.

Соня зажмурилась.

– Бежим! – Аня толкнула её плечом, голос прозвучал резко, как хлопок. – Сашка! Беги!

– Да, – Соня выдохнула, не открывая глаз, и начала медленно, осторожно отступать назад.

И вдруг она почувствовала, как чья-то рука вцепилась в неё мёртвой хваткой, в запястье, в локоть, в самую душу. Не успела она ничего сообразить, как её развернули на сто восемьдесят градусов и потащили за собой. От неожиданности она распахнула глаза, попыталась вырваться, воспротивиться такому бесцеремонному обращению, но Аня даже не заметила её слабых попыток, просто тащила вперёд, к дому, к спасению. Сашка бежал впереди, мелькая пятками.

Не добежав до калитки несколько метров, Соня замедлилась, высвободила взмокшую от пота и страха ладонь из сестриной руки. Они остановились, не сговариваясь, и одновременно обернулись.

Полоумный стоял на том же месте, в той же нелепой, величественной позе и всё так же улыбался. Сашка оскалился и поднял руку с оттопыренным средним пальцем.

– Урод! – крикнул он, и слово повисло в вечернем воздухе, как брошенный камень.

И тут случилось неожиданное. Как будто тот услышал его. Услышал и понял. Он схватил канистру, прижал ее к груди и сорвался с места. Неуклюже, с перекатами, но быстро бросился к ним, гораздо быстрее, чем они могли ожидать.

– Э-э-э! – Аня медленно, не сводя глаз с приближающейся фигуры, отступала к калитке. – Зря ты это. Совсем зря.

– Да, – усмехнулся брат, но усмешка вышла натянутой, нервной. – Может, он сбежал откуда-то?

– Откуда? – Соня пятилась к калитке, и голос её дрогнул.

– Откуда-откуда... Из дурдома, – бросил Сашка, рванул к калитке и распахнул её, впуская их во двор. – Заходите быстрее!

Восковая голова с ногами пробежала ещё немного – метра три, не больше, – а потом резко свернула с дороги на тропинку, ведущую в лес.

– Ты смотри! В лес бежит! – Соня встала на цыпочки, пытаясь разглядеть её за высокими кустами, но видела только мелькающую зелёно-голубую точку.

– Зачем, интересно? – Аня подошла к старому, корявому дереву у калитки, ухватила за нижнюю ветку и ловко, по-кошачьи, запрыгнула на забор, вглядываясь вдаль.

– Качается, – Сашка пнул ногой шаткий штакетник, и тот жалобно скрипнул.

– Тихо! – Аня шикнула на него, не оборачиваясь, и вся её фигура замерла в напряжённом ожидании.

Восковая голова тем временем со всеми ее ногами, руками и канистрой скрылась в лесополосе, у самого болота, – канула в густую зелень, как в воду, оставив после себя только тишину и лёгкое колыхание веток.

– Давайте чаю попьем? – Аня остановилась в дверях, уже одной ногой в доме, и оглянулась на младших. – М?

– Да, давай. Поставишь чайник? Я пока переоденусь, – выдохнула Соня, и в голове у неё была только одна мысль: скорее снять эти противные, влажные, липнущие к коже шорты, которые неприятно скребли бёдра при каждом шаге.

Через двадцать минут старый электрический чайник, выдавший виды, наконец, закипел, и пар тонкой струйкой потянулся из носика. Соня достала из холодильника блюдо со сливочным маслом? оно стояло там, прикрытое перевернутой тарелкой. как всегда. Сашка, не дожидаясь никого, отхватил от свежей буханки чёрного хлеба толстый ломоть, который тут же исчез у него во рту. Кое-как пережевывая огромный мякиш, он встал, подперев животом край стола, и начал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, как конь перед стартом.

Аня ополоснула кипятком большой фарфоровый заварник – бабушкин, с красивыми золотистыми завитушками, которые поблёскивали в лучах вечернего солнца. Потом распахнулись дверцы старого буфета, и внутри раздался дружный, переливчатый звон праздничных чашек, они стояли там на верхней полке. Дожидались особого случая. Сестра достала маленькую коробочку с ярко-жёлтой этикеткой, громко зашуршала тонкая, почти прозрачная бумага, и до Сониного носа донёсся терпкий, густой аромат чая, тот самый, от которого сразу становится тепло и спокойно. Аня отмерила две ложечки, всыпала их в заварочный чайник, залила крутым кипятком и накрыла снятым с гвоздика на стене небольшим тряпичным колпаком в виде петушка – красногрудого, с вышитым хвостом.

Соня долила в чайник холодной воды из фляги и включила в сеть. Пусть греется прозапас.

– Подождать не мог? – Аня поджала губы и сурово, но беззлобно посмотрела на брата, который уже тянулся за вторым куском.

– Неа, – Саша изобразил что-то вроде танцевального па, ногами дрыгнул, руками взмахнул и с размаху выдвинул ногой табуретку из-под стола. Она глухо шаркнула по деревянному, выкрашенному в коричневый цвет полу.

Они расселись в ожидании.

Соня смотрела в окно, подперев голову руками. Сашка громко сопел, дожёвывая последний кусок, и было похоже, что сейчас все его мысли, все желания и мечты сосредоточены только на еде. Он громко сглотнул и потянулся за новым ломтём, но Соня шикнула и прижала его руку к столу. Он скорчил гримасу – обиженную, театральную, но руку всё-таки убрал.

– Интересно, что это за мужик такой? – Соня вопросительно посмотрела на сестру.

– Псих, – пожала плечами Аня, и в голосе её не было ни капли сомнения.

– А зачем ему канистра? – Сашка наклонился и с глухим стуком приложился лбом к столу.

– Стол не сломай, – Соня попыталась подсунуть ладонь между его головой и столешницей. – Для красоты, наверное. Может, бабушке расскажем?

– Ты что? – Аня удивлённо вскинула брови.

– А что? А вдруг это какой-то больной? – Соня считала это вполне разумным – рассказать взрослым, пусть решают.

– Нет. Надо сначала проверить, – твёрдо сказала Аня, и глаза её блеснули тем самым огоньком, который Соня знала слишком хорошо.

– Что проверить? – Соне не верилось, что они с Сашкой согласятся на что-то подобное. Опять эти игры, опять приключения, от которых потом трясутся колени.

– Всё проверить, – сестра довольно прикрыла глаза и улыбнулась.

– Без меня, – Соня хлопнула ладонями по столу, и чашки подпрыгнули на блюдах. – Без меня!

– Ага, – засмеялся Сашка. – Как же. Не надо ничего проверять. Я знаю его. – С этими словами он стянул с блюда еще один ломоть хлеба, отломил маленький кусочек и запихнул в рот.

Над столом повисла тишина.

– И? – Аня принялась сверлить брата взглядом.

– Что и? – Сашка, очевидно, не совсем понял – того, что он сказал недостаточно.

– Кто он? И откуда ты его знаешь? – Соня ткнула брата в плечо.

– Эй! – он скорчил притворную гримасу. – Просто знаю.

– Да говори уже! – Аня ткнула его с другой стороны.

– Это Васька, – выдохнул Сашка. – Вообще странно, что вы не знаете про него.

– И вы знакомы что ли? – Соня подтолкнула ближе к брату блюдо с хлебом.

– Не конечно! – Прыснул Сашка. – Короче, сын он бабушкиной знакомой. Этой, которую сегодня на колонке встретили. – Он посмотрел на Соню.

– Тёти Гали? – Нахмурилась Соня. – Не знала, что у нее есть сын.

– Да нет же! Второй.

– Петровны? – наконец дошло до сестры.

– Да! Её Нина Петровна зовут. Я виде, как она с ним с остановки шла. У него еще пакет тогда большой был, кажется, с вещами. Я подумал, что он откуда-то вернулся.

– Ну всё понятно, – выдохнула Аня, – обычный псих.

– Или алкаш, – добавила Соня.

– А вы что подумали? – Засмеялся Сашка. – Чудо лесное?

– Иди ты! – Закатила глаза Аня и наклонилась над столом. – А хотите реальную жуть?

– Чего еще, – скептически отнеслась Соня к её словам. – Опять начинаешь?

– Знаете почему Лягушатник забросили? – Аня сделала вид, что не заметила недоверия сестры.

– Конечно, из-за родников, – Соня даже немного удивилась такой глупости. Все знают эту историю.

– А вот и нет, – сестра посмотрела на неё взглядом, полным многозначительности.

– И почему же?

– Ну... – начала она, явно нагнетая обстановку, – не знаю, можно ли вам такое рассказывать.

– Это почему? – Сашка отвлёкся от мыслей о хлебе и наострил уши.

– Ну, вы же дети, маленьким такое не рассказывают, – Аня приподняла одну бровь, ожидая их реакции.

– Да ну тебя, старшая нашлась, – фыркнула Соня. – Я младше тебя всего на полгода.

Несмотря на совершенно незаметную на первый взгляд разницу в возрасте, Аня всегда гордилась этим полугодовым превосходством и старалась воспользоваться им при каждом удобном случае. Впрочем, ни Соню, ни Сашу это ни капли не задевало – они привыкли.

– Ладно, – старшая сестра громко, театрально вздохнула, манерно поджала губы и снова наклонилась над столом. – Много, много лет назад... – с этими словами она бросила на них заговорщический взгляд исподлобья. Соня с братом переглянулись, наклонились вслед за ней и наострили уши. – Много, много лет назад, там произошёл ужасный случай.

Аня перешла на шёпот – едва слышный, с придыханием.

– Давным-давно в нашем посёлке жили брат с сестрой.

– Вдвоём что ли жили? – Сашка, разумеется, не выдержал и перебил.

– Тише ты, не лезь, – повысила голос Аня и продолжила, как ни в чём не бывало. – Сестра была старше брата.

– Прямо как мы с тобой, – теперь уже Соня вставила словечко и пихнула Сашку локтем в бок.

– Да будете вы слушать или нет? – Аня надула губы и демонстративно отвернулась. – Не хотите – так я ничего и не расскажу.

– Ладно, – Соня повернулась к ней. – Молчим. Рассказывай.

– Однажды сестра позвала брата погулять, – Аня снова наклонилась, голос её упал до полупшепота. – И пошли они к карьру. Мальчик даже не подозревал, что она готовила для него страшную участь. Когда они подошли к самому краю, сестра толкнула его вниз, зная, что он не умеет плавать.

– И что? – Сашка приподнял одну бровь, и Соня поняла: он уже раскусил эту историю. Как и она. Это была очередная Анина выдумка.

– Да там разве утонешь? – добавила Соня, подыгрывая. – Ну, упал он на песок, вылез и пошёл дальше.

Аня поджала губу. На её лице читалось слабое, едва заметное разочарование. Она определённо ожидала, что история произведёт больший эффект. Но сдаваться было не в её правилах.

– Что-что! – она прищурилась и выдержала драматическую паузу. – А то, что перед тем, как столкнуть брата...

– Ну? – не выдержал Сашка. – Чего там?

– Перед тем, как столкнуть брата, она задушила его! – выдала сестра очередную порцию страстей, явно только что выдуманную.

– Ого! – Соня с братом округлили глаза, но удержать смех было трудно.

– Откуда ты знаешь?

– Так... слышала, – Аня многозначительно прикрыла глаза и гордо выпрямилась, расправив плечи.

– А-а-а, – театрально протянула Соня, будто осознав всю серьёзность истории, и, выпятив нижнюю губу, надула щёки. – И что потом?

– Да ничего, – пожала плечами Аня, и эффект мгновенно рассыпался.

– Брехня, – резюмировал Саша и потянулся за новым куском хлеба.

– Сам ты брехня! – Аня оскорбилась, сжала губы и шлёпнула брата по протянутой руке.

– Хватит есть! Ты уже полбуханки втоптал. Нам оставь.

Сашка показушно надулся, но руку убрал.

– Теперь он мстит! – Аня вскинула брови, как будто констатировала очевидный факт.

– Да кому? Сестре? – Соне стало интересно, насколько далеко может зайти фантазия. –

А кто эта сестра?

– Не знаю, – внезапно растерялась Аня. Пожала плечами. – Я эту историю на остановке услышала. Вы ведь думаете, что это враки.

– Ну, вообще да, – Сашка зевнул, прикрывая рот ладонью.

– Нет, – Аня сделала вид, что обиделась.

– Да ладно тебе, – Соня придвинулась к ней. – Верим мы тебе. Что там дальше?

– Теперь у карьера каждую ночь на второе августа гуляет призрак мальчика и затаскивает в воду всех девочек, которых увидит, – Аня, вновь воодушевившись, скрестила руки на груди и, стараясь придать важности своему образу, задрала подбородок. – Так он пытается отомстить своей сестре.

– Почему второе августа? – Соне всё равно не верилось, но она решила пока оставить это при себе.

– Потому что он умер в эту ночь, – Аня сжала губы в тонкую полоску, явно недовольная их реакцией.

– А я знаю, почему второго августа, – внезапно заулыбался Сашка. – Потому что мы вчера смотрели кино про ночь Ивана Купалы. Он же второго августа?

– При чём здесь Иван Купала? – огрызнулась Аня. – Он в июле, между прочим. Второго августа – Ильин день!

– Всё равно, мне кажется, ты всё придумала, – насупился брат. – Сочиняешь на ходу.

– Да ну вас, мелочь, – Аня резко отвернулась и уставилась в стену.

– Да ну тебя, – Соня вздохнула. Верить в такую историю не хотелось – слишком уж она походила на те страшилки, которыми дети пугали друг друга по ночам.

Аня приподняла брови и одарила их взглядом, полным снисходительности.

– Ладно, про второе августа я придумала. Довольны? – она фыркнула, и Соня с Сашкой обменялись победоносными ухмылками. – Но всё равно мало кто отважится прогуляться ночью по краю Лягушатника.

– А что это за Ильин день? – Как будто очнулся Сашка.

– Не знаю, от бабушки слышала. Она сказала, мол купаться нельзя в Ильин день. – пожала плечами Аня.

– Почему? – Удивилась Соня.

– Понятия не имею. – вновь пожала плечами Аня, и Соня поняла, что она просто ещё не придумала никакой жуткой истории на этот счёт.

Все замолчали, каждый задумался о чём-то своём. Аня, вероятнее всего, уже представляла, как было бы здорово заставить кого-то из младших отправиться ночью к карьеру. Сашка, молча, поедая глазами последний ломоть хлеба на блюде. А Соня почувствовала приближение очередной игры в «слабо» – той самой, от которой мурашки бегут по спине ещё до того, как сказано первое слово.

Из тихих раздумий их вывел чайник – вода снова закипела, засвистела, зашумела. Аня разлила по чашкам сперва заварку из синего чайника а потом долила крутого кипятка, и над

столом завитушками, причудливыми и лёгкими, потянулись струйки пара. Соня наклонилась над своей чашкой и громко, с удовольствием, втянула носом бодрящий, терпкий аромат.

– Дай нож, – Соня отставила чашку в сторону и посмотрела на Сашу. Он привстал, вытянул руку и достал из буфета большой кухонный нож с зелёной, слегка расплавленной у основания рукояткой и потемневшим от времени лезвием, на котором виднелись мелкие царапины и потёртости. – Спасибо.

– Намажь мне, – брат протянул ей кусок хлеба.

– А сам? – Соня сдвинула брови, изображая строгость.

– Ну, пожалуйста, – он прикусил нижнюю губу и посмотрел на неё снизу вверх, подняв внутренние уголки бровей – тот самый взгляд, которому невозможно было отказать.

– Ладно, – не выдержав напора, она отрезала тонкую пластинку масла, и нож заскользил по поверхности хлебного куска, покрывая его ровным, чуть желтоватым слоем.

– Побольше возьми, – Саша контролировал процесс, склонив голову набок.

– Деловой ты, – состроив недовольную гримасу, Соня всё-таки добавила масла – щедро, от души.

– Спасибо, – брат взял бутерброд и, как заправский гурман, щедро посыпал его сахаром – белым, крупным, сверкающим на масле мелкими искрами. Выглядело аппетитно, даже по-праздничному.

Соня соорудила точно такой же для себя, перед этим ей пришлось отрезать от буханки свежие ломти, ведь прожорливый братик умял всё, что до этого нарежали на всех, откусила большой кусок и запила крепким, сладким, терпким чаем. Горячий напиток обжёг горло, но это было приятно.

Полужинав, они снова вышли на улицу. Погода, несмотря на поздний вечер, стояла отличная – жара наконец спала, отпустила землю, и ветер, усилившийся к ночи, принёс долгожданную, прохладную свежесть. Ничем особенным заниматься не хотелось. Сказывалась усталость – тягучая, приятная, которую каждый из них гнал от себя, желая провести на улице ещё немного времени, вдохнуть этот вечерний воздух, почувствовать, как август медленно перетекает в ночь.

– Эй! – Аня позвала брата с сестрой. – Посмотрите туда.

– Что там? – Соня подошла к ней. – Куда?

– Да вон! – она вытянула руку и показала пальцем в сторону болота. – Кажется, там что-то горит.

– Ничего не видно, – Соня всматривалась вдаль, шурилась, но различала только тёмную стену деревьев.

– А я вижу, – Сашка встал рядом. – Дым поднимается.

– Теперь да, – согласилась Соня. Со стороны болота к небу поднимались несколько тонких, едва заметных струек дыма – серых на фоне вечернего неба. – Откуда он?

– Не знаю, – пожала плечами Аня. – Кажется, с болота. Может, лес горит? Или трава?

– Трава, наверное, – Сашка почесал затылок, размышляя. – Если бы лес, то дыму было бы намного больше. А тут совсем чуть-чуть. – Он посмотрел на сестёр. – А, может, костёр?

– Ага, – усмехнулась Соня. – Несколько костров, судя по всему.

– Да, – вздохнул брат, признавая её правоту.

– Ну что? Идём? – Аня переводила взгляд с Сони на Сашку, и в глазах её горел вызов.

– Идём, – заставляя ни Соню, ни брата не пришлось. Любопытство – оно всегда сильнее усталости, сильнее здравого смысла.

Они двинулись по узкой, извилистой тропинке через небольшое поле, заросшее высокой, жёсткой травой, которая хлестала по ногам. Она виляла, петляла, и через несколько минут ребята вышли к болоту. Оно было разделено на две почти равные части невысокой оградой из

колючей проволоки, намотанной на старые, покосившиеся деревянные столбы. По ту сторону начиналась территория аэропорта – закрытая, строгая, чужая.

– Ха! – удивлённо выкрикнул Саша, когда они подошли ближе.

– Ты только посмотри, – Соня запрыгнула на огромную автомобильную шину – одну из нескольких десятков, набросанных вдоль ограды, – и подошла к одному из дымящихся столбов. – Кто это сделал?

Деревянные с иссохшими растрескавшимися верхушками бревна, на полметра торчащие из чёрной болотной жижи, не горели, но медленно тлели, тихо потрескивая и источая густой, едкий, чёрный дым, который поднимался и таял в вечернем воздухе. Соня порылась в карманах и с торжествующим видом достала целлофановый пакетик – единственный, кто завалялся там после утреннего похода в магазин.

– Вот, – она гордо предъявила его ребятам.

– И чего? – нахмурила брови Аня.

– Вау! У тебя есть пакетик! – выкрикнул Сашка и засмеялся – громко, заразительно.

Соня засмеялась в ответ, представив, как выглядит в их глазах.

– Сейчас, – она зачерпнула пакетиком тёплую, пахнущую тиной болотную воду и вылила её на тлеющий столб. Вода зашипела, пар взметнулся вверх, и дым на мгновение стал гуще, а потом начал редеть. Пришлось повторить действие ещё несколько раз, пока столб, наконец, не перестал дымить.

– Вот!

– Теперь я! – Сашка выхватил пакетик у Сони из рук и принялся заливать оставшиеся столбы. По мере приближения к противоположному берегу его движения становились всё медленнее, дыхание – тяжелее, но он упрямо двигался вперёд.

Сёстры уселись на прогретую солнцем резину, свесили ноги и окунули их в воду. Болото было тёплым, как парное молоко, – из-за жары оно сильно иссохло. Несколько шин, которые они называли колёсами, оказались полностью сухими, хотя в начале лета, чтобы запрыгнуть на них, не угодив в воду, приходилось изрядно постараться.

Сашка скоро расправился со всеми столбами, и они с сестрой, лениво поднявшись, отправились оценивать его работу.

– Чем это так воняет? – брат скривился, принюхался к чёрной, обугленной поверхности одного из столбов.

– Гадость, – Соня наклонилась ближе. – Отсюда запах.

– Может, они чем-то пропитаны? – Аня тоже нагнулась, но, вдохнув, сразу отпрянула, зажав нос. – Фу! Помните, в начале лета на пустыре шины жгли?

– Ну? – Сашка посмотрел на них, удивлённо наморщив лоб.

– Похоже, – она повернулась к ним, приподняв брови. – Ну, похоже ведь?

– Да ну, совсем нет, – брат с видом заправского эксперта вновь понюхал чёрную поверхность и покачал головой. – Нет, не похоже. – Он еще раз принюхался. – Соляра! – Сделал он торжественное заключение и посмотрел на сестер в ожидании одобрения.

– Да что мы глупостями занимаемся? – Соня встала перед ребятами, уперев руки в боки. – Пойдёмте обратно.

– Да, – согласилась Аня. – Что тут ещё смотреть?

Сашка без энтузиазма поплелся за ними.

Ещё в самом начале лета они начали приспособливать крохотную пристройку за сараем для своих игр. В свободное время освобождали её от хлама, истлевших досок, поломанных стульев, мешков с тряпками. Что-то выбрасывали, что-то перетаскивали в соседний гараж. И вот к началу июля их штаб был готов. Взамен вытасканного хлама они притащили свой: старые журналы с красивыми картинками, девочками особенно полюбился невесть откуда раздобы-

тый, немного отсыревший, потрёпанный журнал с фотографией Мерлин Монро на обложке, его они листали чаще всех, перечитывая историю жизни знаменитой актрисы. Также к хламу со временем были добавлены: обломок кухонного ножа и складной стакан, найденный где-то на чердаке. Все эти богатства были надёжно спрятаны в старом сундуке, который они установили в центре помещения. Сверху Аня положила широкую доску – получилось что-то вроде импровизированного стола.

– Посмотрите сюда! – Аня позвала их из глубины гаража.

– Что там? – Соня выглянула из-за стены штаба. Сестра сидела на корточках у одной из полок в углу, заваленной старыми книгами.

– Библиотека целая! – она повернулась к Соне и помахала тонкой стопкой детских журналов с пожелтевшими, выцветшими обложками.

– Тащи сюда, – вставать с насиженного места не хотелось.

– Иди сама посмотри, – Аня уже стояла в дверях, перелистывая слипшиеся и поблёкшие от времени страницы.

Любопытство пересилило лень. Соня медленно поднялась, отряхнула шорты и отправилась в гараж. У стены, сложенные в несколько высоких стопок, лежали книги – старые, потрёпанные, с облупившимися корешками. Внимание привлекли две из них. Первая, с интригующим названием «Упыри», заинтересовала её прежде всего тем, что повествовала о вампирах – Соня убедилась в этом, пролистав пару страниц и наткнувшись на мрачные иллюстрации с острыми клыками и чёрными плащами. Вторая книга, на первый взгляд, показалась не столь интересной: «Сказки Коми народа» – гласила надпись на ярко-жёлтой, выгоревшей на солнце обложке.

Как только Соня вернулась в штаб, Сашка выхватил у неё из рук книгу о вампирах и принялся самозабвенно изучать пожелтевшие страницы, которые, к его великому разочарованию, оказались малоинтересными – слишком много текста, слишком мало картинок и крови. Решив оставить страшные истории для просмотра в более поздний час, Соня раскрыла книжку со сказками.

Здесь страницы изобиловали иллюстрациями. Некоторые могли напугать куда сильнее, чем картинки с расфуфыренными упырями во фраках. Иллюстрации, выполненные в чёрно-белых тонах и больше напоминавшие средневековые гравюры, изображали героев коми фольклора. Вот молодая девушка бежит по лесу – это красавица Райда пытается найти дорогу домой. А вот ещё одна картинка: на ней огромный человек с длинной бородой, злыми глазами и острыми зубами пробирается сквозь лесную чащу – это Яг-Морт бредёт к деревне в поисках очередной жертвы. Наскоро перечитав одну из сказок, Соня посмотрела в сторону настоящего леса, который темнел за болотом, и представила рост древнего чудовища, который, согласно преданию, превышал высоту сосны. Критически оценив нереальность этого факта, она пришла к выводу: Яг-Морт просто не может быть ростом с высоченную сосну, это же абсурд. Но образ всё равно засел в голове – лесной монстр, мрачный и огромный, бредущий между стволами. Вздвогнув от жутких мыслей, она переключила внимание на брата с сестрой.

Сашка, быстро просмотрев вампирское чтиво и не найдя ничего, что могло бы пощекотать нервы, кинул книгу на скамейку и принялся приколачивать отвалившуюся от стены доску, вбивая принесённый из сарая ржавый гвоздь обломком кирпича. Он пыхтел как паровоз, размахивал рукой, но кирпич постоянно соскальзывал с гвоздя, издавая ужасный, скрежещущий звук, и от него то и дело откалывались мелкие кусочки, разлетаясь по всему штабу. Соня устала от этого стука и скрежета, отобрала кирпич у брата, размахнулась и несколькими уверенными ударами сбоку загнула гвоздь, прижав его шляпку к разошедшейся, шершавой древесине.

– Спасибо, – пробормотал брат, пряча глаза. – Но я бы и сам смог.

– Обращайся, – небрежно бросила Соня в ответ и, прислонившись к стене, продолжила изучение фольклора родного края.

Пока они возились в пристройке, пролетело несколько часов. Никто не заметил, как тропинка, ведущая к их штабу, залилась красным, пульсирующим светом. Красный сигнальный фонарь, что вот уже много лет как постовой стоит на развилке тропинок и загорается каждый день в одно и то же время. Одновременно с ним, в нескольких сотнях метров от их дома, вспыхивают и не гаснут до самого утра разноцветные огни взлётно-посадочной полосы. С этими огнями приходит ночь.

К этому моменту лёгкая, приятная усталость постепенно превратилась в валящее с ног бессилие. Соня сидела на краю скамейки, наблюдая, как Саша висит на руках, ухватившись за край выступающей крыши, а Аня пытается приладить к стене старый металлический крючок, цепляя его на торчащий из доски не менее старый гвоздь.

– Пойдёмте домой, – предложила Соня и громко зевнула, прикрывая рот ладонью. – Сегодня меня точно ждёт крепкий сон до утра.

– Перестань, – засмеялся Сашка и тоже зевнул так, что челюсть хрустнула.

Аня держалась из последних сил, но не устояла – зевота настигла её в тот самый момент, когда она открыла рот, собираясь им что-то сказать. Все слова превратились в непонятное, мычащее месиво. Они дружно рассмеялись.

Наскоро ополоснув лица холодной водой из умывальника – вода обожгла кожу после дневного зноя, и почистив зубы, они друг за другом потянулись в комнату. Достали из шкафа серое махровое полотенце – довольно старое, застиранное, немного жестковатое на ощупь, с выцветшими краями. Но от него пахло самым тёплым, самым родным уютом бабушкиного дома – запахом, который не спутаешь ни с чем. Они по очереди вытерлись, передавая полотенце из рук в руки, и, не складывая, просто затолкали его обратно в шкаф.

Глава 4

Немного поболтав, они начали готовиться ко сну. Саша ушёл в бабушкину спальню и, кажется, уснул сразу же, как только его голова коснулась подушки, даже не успев пожелать спокойной ночи. Аня разместилась на скрипучем диване в самой большой комнате, которую все называли залом, пару раз выходила на кухню, гремела ковшом, набирая воду из фляги, но вскоре, немного покрутившись в постели, тоже провалилась в сон. Соне же досталась проходная комната с выкрашенными в жёлтый цвет стенами, разрисованными серебристыми завитками – причудливыми, как морозные узоры, только летние. С украшенного лепниной потолка свисала огромная стеклянная люстра с сотнями переливающихся на свету бусин, которые днём рассыпали по комнате радужные зайчики.

Диван, старый, продавленный, неудобный, принялся недовольно скрипеть, как только Соня легла и попыталась устроиться поудобнее. Каждое движение отдавалось протяжным, жалобным стоном, будто диван выражал своё недовольство её присутствием.

Бессонница. Кто не страдал этим наваждением, тот никогда не поймёт, насколько выматывает это полуночное состояние, когда время тянется резиновым жгутом, а мысли, не слушаясь, скачут с одной на другую. Соня до сих пор недолюбливала белые ночи. Но тогда, в детстве, они действительно доставляли ей невероятные мучения, заставляя ворочаться в ожидании, когда же за окном серо-голубое небо наконец зальётся ярким солнечным светом и даст разрешение на новый день.

В ту ночь, промаявшись в постели до четырёх часов, сотню раз перевернувшись с одного бока на другой и немного поплавав от собственной беспомощности в неравной схватке с бессонницей, Соня в итоге перестала бороться и просто стала бесцельно рассматривать сквозь тонкую прозрачную занавеску плотные серые облака, затянувшие небо и обещающие излиться хорошим дождём. В комнате стало немного темнее.

Где-то за полночь она услышала, как хлопнула входная дверь, – негромко, приглушённо. Бабушка вернулась со двора. Потом прошла на кухню, и оттуда, сквозь тонкую стену, донеслось привычное, успокаивающее гремящее посуды – тихое, размеренное, почти музыкальное: звон чашек, лязг крышки от кастрюли, шуршание полотенца, которое бабушка вешала на крючок. Она передвигала что-то на плите, наливала воду в чайник, гремела ложкой о край кружки, и все эти звуки сливались в одну долгую, тягучую колыбельную, которая когда-то убаюкивала Соню в самые тёмные ночи.

Но сегодня эта колыбельная не работала. Соня лежала с открытыми глазами, вслушиваясь в каждый шорох, и чувствовала, как бессонница сжимает виски ледяными пальцами.

Наконец, дом погрузился в ту густую, ватную тишину, которая бывает только глубокой ночью, когда все спят.

Соня перевернулась на другой бок, подтянула колени к груди и уставилась в окно, где серые облака медленно, почти незаметно, плыли по небу, набухая влагой и обещая новый день. Август утихомирил буйность белых ночей, украсив их мягкими, но пока еще быстротечными сумерками.

В окно тихо, робко ударили первые капли. Дождь.

Соня постаралась скорее воспользоваться моментом и закрыла глаза.

Наглый солнечный луч ворвался в чуткий сон, разорвал его на куски. Пытаясь смахнуть надоедливый свет, Соня ударила себя по лицу и проснулась. Утро. От серых туч не осталось и следа – как и вчера, за окном светило яркое, безжалостное солнце. Лучи заглядывали в комнату, играли с замысловатой огранкой люстриных бусин, превращались в радужных зайчиков и прыгали по стенам и фарфоровой посуде, красиво сложенной за стеклом серванта. Утро.

Лежать больше не хотелось. Спустив ноги на прохладный пол, Соня потянулась и достала со спинки дивана одежду. Несколько минут просидела, вяло соображая, чем бы заняться в такую рань. Часы на стене показывали двадцать минут шестого.

Натянув шорты и футболку, она вышла из дома и села на скамейку.

К калитке подбежала Лыска – большая длинноногая лайка с жёлтыми, умными глазами. Она крутилась, виляла хвостом и тихо скулила, привлекая к себе внимание. Соня открыла калитку и вышла на улицу:

– Пошли, погуляем.

Ночной дождь смыл всю пыль с дороги. Напитал влагой измученные жарой деревья. Впервые за несколько недель всё зеленело и блестело в лучах утреннего солнца, словно лето решило не заканчиваться, а зашло на новый круг. На миг Соне показалось, что в воздухе запахло весной, сыростью, прелой листвой и чем-то свежим, почти забытым. На обочинах дороги появились тонкие волны жёлто-серых разводов, оставленных водой. Она старалась дышать полной грудью, чтобы вобрать в себя как можно больше свежего воздуха, пока жара снова не иссушит всё вокруг.

Несмотря на ранний час, солнце уже начинало припекать плечи и макушку. В небе ни намёка на ночной дождь. Похоже, лето не собиралось сдавать позиции и готовило очередной жаркий денёк. Соня стянула с ног сандалии и пошла босиком по неровной асфальтовой дороге, усеянной множеством мелких камней, в сторону Лягушатника. Внезапно в голове всплыл вчерашний рассказ сестры. Она остановилась и посмотрела в сторону дома, на секунду возникло желание вернуться. Детская страшилка. Конечно, это не может быть правдой. Соня прокрутила историю у себя в голове, усмехнулась хитрости Ани, сумевшей хоть и ненадолго нагнать страху на младших, и уверенно зашагала вперёд.

А сумасшедший? Который сын Петровны. Это уж точно не выдумки – ведь она сама его видела. И вновь засомневавшись, остановилась, бросив взгляд на дом. Но тут коленей коснулось что-то мягкое – Лыска села у ног в ожидании. Эта ласковая на первый взгляд собака наводила ужас на весь посёлок, бросаясь на каждого, кто смел приближаться к её хозяевам. К таковым она относилась и Соню. Вряд ли стоит вообще чего-то бояться, пока она со мной. С этой мыслью Соня уверенно зашагала вперёд.

Постепенно ноги привыкли к колким камням на дороге, и она прибавила шаг. Лыска бежала рядом, изредка утыкаясь носом в землю, скрывалась в траве, обгоняла хозяйку или отставала, отвлекаясь на птиц и чужие запахи. Пустынная дорога вела вперёд. Тёмный асфальт медленно нагревался, и Соня сошла на обочину, продолжив путь по влажному песку.

Мимо, сверкая в лучах солнца, словно большой жужжащий изумруд, пролетела стрекоза. Лыска попыталась догнать её, но вскоре потеряла из виду, и в поисках следа вновь уткнулась носом в землю и убежала куда-то в сторону, только пушистый хвост, закрученный в аккуратное колечко, мелькал над поверхностью пожелтевшей травы.

Соня встала на самом краю песчаного обрыва. Солнце светило в спину, растягивая по склону чёрную, вытянутую тень. Пальцами ног она взрыхлила землю и столкнула комья вниз – от них к воде потянулись извивающиеся струйки песка.

Обогнув карьер по краю, резко обрывающемуся вниз, и дойдя до середины, Соня остановилась. Немного постояла, потом села на жёсткую, выжженную бесконечной жарой траву. Та сильно колола кожу, но вскоре неприятные ощущения отступили на второй план.

– Хорошо тут, да? – Лыска легла у ног и разрешила потеревать бархатное ухо. Устав за ночь, собака уснула почти сразу же, как только легла. Соня с доброй завистью посмотрела на её способность вот так засыпать, провела рукой по мохнатой спине.

Она глянула на часы – со времени выхода из дома прошло около двадцати минут. Не так уж много. Яркое утреннее солнце пригревало, заливая всё вокруг жёлтым, густым светом.

Соня легла на спину, раскинула руки в стороны и подставила лицо тёплым лучам. Лыска тихо скулила во сне. Слабый ветерок играл с мягкой собачьей шерстью.

Соня приподнялась и посмотрела на карьер, потом слегка подтолкнула собаку ногой:

– Пошли.

Лыска тут же подскочила, как будто и не спала вовсе.

С соседней автобазы, что тянула свое скромное существование еще со времен молодости поселка, донёлся дружный лай собак – они носились по территории друг за другом, пытаясь поймать что-то, известное только им. Лыска наострила уши.

Соня нащупала ногой спуск и, придерживаясь за ветки кустов, растущих на склоне, шагнула вниз.

Расположившись на песчаной насыпи лицом к мелкому пруду, она вытянула ноги и окунула ступни в тёплую, прозрачную воду. Тишина. Собачий лай остался где-то наверху, а здесь слышен лишь звук шелеста листвы за карьером и редких всплесков воды у дальнего берега.

Соня зарывалась ступнями в песок, перебирая струящуюся жёлтую массу пальцами. На секунду что-то кольнуло в большой палец левой ноги. Она не придала этому особого значения, продолжая наслаждаться тёплой водой. Но, ненадолго исчезнув, неприятные ощущения вернулись, перерастая из слабого дискомфорта в довольно ощутимое жжение.

Приподняв ногу над водой, она стала вертеть ступней, рассматривая палец. Сперва показалось, что всё в порядке, но потом, когда вода, стекающая с пятки, приобрела малиновый оттенок, ей удалось разглядеть причину беспокойства – с пальца был срезан небольшой кружок кожи.

Через несколько секунд песок на дне улёгся, и сквозь прозрачную воду заблестел на дне маленький осколок стекла. Аккуратно достав его двумя пальцами, Соня зашвырнула его в заросли травы, куда никто не ходит. Лыска, виляя хвостом, следила за её рукой и, как только осколок улетел, бросилась за ним.

– Вот блин, – скривилась Соня, посмотрев на ногу. – Неудачница.

Достав из кармана носовой платок, она намотала его на палец и завязала узелком – так, что два конца торчали вверх, как заячьи уши. Это почему-то позабавило её: пальцевый кролик. Капли крови тут же выступили на тонкой ткани.

Перед уходом, бросив взгляд на то место, где лежало стекло, Соня увидела ещё один осколок. Откуда они только там берутся? Неужели кто-то специально выбрасывает их, зная, что обычно здесь много детей? Она решила достать и второй.

Но этот экземпляр не поддался с первого раза – пальцы только скользнули по гладкой поверхности. Осколок оказался немного больше, чем она представляла. Но оставлять его там не хотелось, поэтому за первой неудачей последовала ещё одна попытка, в ходе которой ей удалось только взболомутить воду. Тогда Соня дождалась, когда песок уляжется, запустила ладонь под низ и стала медленно вытаскивать находку кверху. Как выяснилось позже, это был вовсе не осколок.

На песке у её ног лежал металлический термос. На вид очень старый. Корпус покрылся ржавчиной, но яркие пятна в некоторых местах говорили о том, что когда-то он был красного цвета. Крышка же выглядела немного лучше – она ещё не успела полностью покрыться ржавчиной и блестела на солнце. Попытки открыть его не увенчались успехом – крышка не проворачивалась. Тогда она обернула её тканью футболки и приложила немного больше усилий. На этот раз крышка поддалась. Из термоса выпал небольшой мешочек из грубой ткани, перевязанный веревочкой.

После недолгого рассмотрения выяснилось, что мешочек перевязан толстой нейлоновой нитью. Крошечный узелок, когда-то крепко затянутый, не поддался. Соня попыталась развязать его зубами – тоже неудачно.

Ветер беззвучно гонял рябь по воде, в которой сотнями бликов отражалось утреннее солнце. За спиной нагонял тревогу глубокий пруд. Без страха купавшаяся в нём вместе с ребятами, Соня в одиночку от одного взгляда в ту сторону чувствовала прилив страха.

Позади раздался громкий всплеск, заставивший её вздрогнуть от неожиданности. Соня обернулась. Лыска, наострив уши, рванула к лесу, но остановилась в конце насыпи, вытянув нос по ветру.

Лес на том берегу шумел листвою, вода медленно подмывала песчаный грунт, обнажая корни деревьев, переплетённые между собой, словно пальцы рук, пытающиеся удержать друг друга от падения.

Внезапно деревья зашевелились. Конечно, это можно было списать на поднявшийся ветер. Но ветер, внезапно резко усилившись, сразу же стих. Зато хруст сухих веток, доносившийся с той стороны, становился всё громче.

Наблюдая за тем, что происходило на другом берегу, Соня ощущала, как в горле сжимается ледяной комок страха. Нависшие над прудом корни неестественно прогнулись, из-под них в воду посыпались комья земли. Медленно накренилось одно из деревьев.

Горло и грудь сдавило. Она стукнула кулаком по коленке, пытаясь вернуть чувствительность онемевшим конечностям. От удара по ноге разбежались сотни маленьких иголок. Зажмурившись на секунду от неприятных ощущений, Соня не стала медлить и, запихнув мешочек в карман шорт, рванула к склону.

Лыска звонко гавкнула и рванула за ней. Соня вскарабкивалась наверх, хватаясь за ветки кустов. Раздался ещё один громкий всплеск воды, и она спиной ощутила тяжёлый взгляд. Где-то в районе лопаток зародился ледяной холодок, постепенно разраставшийся до тех пор, пока ноги не коснулись травы на поверхности.

Дорога по-прежнему была пустынной. Только издалека, с объездной, донёсся звук проезжающего автомобиля. Собаки на автобазе замолчали. Но сейчас Соне как никогда хотелось, чтобы они все вместе дружно залаяли и разорвали эту гнетущую тишину. Она обернулась и посмотрела в сторону леса: там, на самом краю, одно из деревьев застыло в странном, неестественном положении. Сотни мурашек пробежали по спине и растворились где-то в районе ключиц, оставив за собой ледяной след на коже. Она побежала, не обращая внимания на жжение в порезанном пальце.

Бабушка уже не спала. По всему двору, словно волшебное облако, растекся тёплый аромат блинов. Соня зашла на кухню. Вкус бабушкиных блинов, сложенных горкой на тарелке, с клубничным вареньем или сметаной – это и есть тот самый незабываемый вкус детства, который порой снится во снах взрослой жизни и возвращает сознание в солнечное прошлое. В животе заурчало.

Решив не ждать, пока проснутся ребята, Соня достала из буфета тарелку, переложила на неё несколько блинчиков, налила чаю. Стараясь ничего не уронить, она вынесла еду во двор и приготовилась наслаждаться.

Дверь на веранде хлопнула. На крыльце показался ещё сонный Сашка, он подошёл к ней и сел рядом, протирая кулаками глаза. Соня провела перед его носом тарелкой с блинами:

– Вкуснотень, м-м-м, – она подняла брови и откусила от свёрнутого блинчика большой кусок.

– Да, сейчас. Давно встала? – брат всё ещё боролся со слипающимися глазами.

– Давненько. Аня спит?

– Наверно, – он встал и, волоча ноги, прошёл обратно на кухню. Через открытую форточку до Сони донёсся лязг металлического носика умывальника и шум воды, громко ударяющейся о дно эмалированной раковины.

Соня размышляла о том, стоит ли рассказывать об увиденном. Аня, скорее всего, назовёт её вруней не потому, что не поверит, а просто чтобы разозлить, а потом посмеяться. Может быть, Сашке... хотя ему, скорее всего, будет неинтересно.

Позавтракав, она сходила в дом и достала из бабушкиного комода огромные ножницы. Большие и неудобные. Пока Соня пыталась поддеть нитку, стягивающую мешочек, они несколько раз чуть не вывалились из рук. Пришлось изрядно попотеть, подсовывая стальное лезвие под плотно прижатый нейлон. Вскоре ножницы громко клацнули, и она, отложив их на скамейку, вытряхнула содержимое мешочка на ладонь. Разноцветный кусочек жёсткой ткани, свёрнутый в тугой рулончик. Соня потянула за край.

Поясок длиной около полутора метров, выполненный из тонких ниток красного, жёлтого и зелёного цветов, украшенный длинной бахромой по краям, плотный и крепкий. Она попыталась растянуть его, проверяя на прочность, но жёсткое полотно не поддавалось. Красота! Повертев находку в руках, Соня приняла решение оставить её себе. И, не теряя времени, тут же повязала пояс на талию, продев в петли шорт.

Ближе к обеду бабушка отправила их троих за хлебом. Единственный магазин в посёлке находился на самой окраине. Добирались до него они обычно одним из двух путей: по длинной улице с красивым названием «Лесная» или напрямик через песчаный пустырь.

Рванув к магазину через пустырь, они, не сговариваясь, бежали наперегонки, загребая ногами песок и размахивая свёрнутыми авоськами. Песок и мелкие камешки набились в тапки, и после пробежки пришлось, держась одной рукой за дверь магазина, снимать их и вытряхивать. Ане с повезло больше – она всего лишь потрясла ногами, быстро вытряхнув содержимое из сандалий. Сашка не стал ничего делать, так и пошёл в кедах, полных песка.

Магазин окутывали запахи свежее выпеченного хлеба. Соня плыла в горячем благоухающем облаке, вдыхая полной грудью, практически потеряв сознание от самого пьянящего аромата на Земле.

У входной двери, сгорбившись, стояла бабка Вася. Выглядела она всегда более чем странно: чёрные мешковатые рейтузы, такой же свитер, поношенные калоши на ногах, обмотанные непонятно чем, а на голове в любую погоду красовался тюрбан из старых тряпок. Стояла она, повернувшись вполборота, и, когда они подходили, наклонила голову и что-то прошипела. Соня отшатнулась. Хотя никто из них её не боялся, странный вид этой вполне безобидной старухи внушал какую-то неприязнь.

Поселковый магазин представлял собой классическое сельпо: на соседних полках со свежим хлебом, крупами, сахаром и конфетами лежали носки, шариковые ручки, лампочки, хозяйственное мыло и другие вещи, жизненно важные в сельской местности.

«Шесть буханок чёрного и две белого», – Соня положила деньги на блюдечко около больших деревянных счётов.

Продавец, суховатая женщина неопределённого возраста с обесцвеченными короткими кудрями, убранными под белую косынку, достала с полки хлеб и выложила на прилавок.

«На сдачу помадки, пожалуйста», – влез Сашка.

Соня кивнула, когда продавец – тётя Женя – внушительная дама с выбеленными волосами, кинула на нее взгляд в ожидании подтверждения.

Пока они по очереди складывали горячий хлеб в болоньевые авоськи, тётя Женя свернула небольшой кулёчек из серой упаковочной бумаги и насыпала маленьких разноцветных конфет. Положила его на весы – стрелка сдвинулась вправо на несколько делений. Добавила ещё одну конфету и снова взглянула на стрелку.

– Готово, – она сняла кулёчек с весов и стала заворачивать.

– Можете не закрывать, – Сашка скромно улыбнулся.

- Как скажешь, – тётя Женя улыбнулась в ответ и протянула Соне конфеты.
- Спасибо, до свидания! – сказали они хором и вышли на улицу.

За спиной хлопнула тяжёлая деревянная дверь. Соня запустила руку в кулёк, достала жёлтую, посыпанную сахаром конфету и запихнула в рот:

- На, – протянула она сладости идущему справа брату.
- Угу, – он взял её, запихнул в рот и отдал кулёчек Ане. – Класс!

За спиной послышалось шипение. Вася стояла на своём месте.

- Чё это она? – Соня быстро оглянулась на старуху.

- Да ну её, сумасшедшая, – Сашка довольно жевал конфету.

– Странная. Обычно же она и слова не скажет. А тут прямо рычит, – Соня заметила, что бабка Вася смотрела прямо на неё.

– Тихо шифером шурша, крыша едет неспеша, – пропела Аня. – Плюнь на неё. Она такая древняя – кто знает, что может выкинуть?

И действительно, эта старуха являлась самым старым обитателем посёлка. Поговаривали, что она появилась здесь в те времена, когда вдоль ещё безымянных улиц трудового поселения наскоро возводились хлипкие тонкостенные бараки. Пришла она сюда по доброй воле или по статье? Никто не мог дать ответа.

Вторая половина дня оказалась полностью в их распоряжении, и они решили не терять время зря. Вытащив из сарая огромный красный велосипед, Аня уселась на сиденье и покати-лась. Соня на бегу запрыгнула на багажник. Сашка выкатил с веранды своего железного коня, чуть поменьше, и, кряхтя, догонял их. Они направились в сторону карьера.

- Ты банку взяла? – на ходу Аня повернулась к Соне.
- Чего? – свист ветра в ушах заглушал слова.
- Банку! – крикнула она громче.
- Зачем?
- Блин, – Аня резко затормозила и спрыгнула с велосипеда.
- Ты чего? Чего тормозишь? – Соня медленно слезла, потирая пятую точку.
- Саш! – крикнула она догнавшему их брату.
- Что?
- Сгоняй домой, – Аня заискивающе улыбнулась.
- Зачем? – Саша улёгся грудью на руль, опустив руки, всем своим видом показывая, насколько ему лень.

- Ну, сгоняй, пожалуйста, – настаивала сестра.
- Зачем? – он выпрямился и тяжело вздохнул.
- Там, на кухне у печки стоят банки. Возьми литровую, почище.
- Ладно, – Сашка развернулся и укатил к дому.

Соня отошла к обочине:

- Зачем нам банка?
- Ягоды наберём, – спокойно ответила Аня.
- Какой ягоды? – Соня ничего не поняла. Вблизи нет леса, где можно было бы собрать ягоды.

- Малины, – сестра растянула губы в улыбке.

Соня скривилась, поняв, к чему она клонит:

- Нет.

– Да что нет-то? – Аня, держа одной рукой велосипед, подошла ближе. – Какая разница, откуда они?

Здесь надо отметить, что рядом с карьером, на другой стороне дороги, в узкой лесополосе, растянулось старое кладбище. Мрачное соседство, ничуть их не смущавшее. Сейчас

кладбище считалось закрытым. Однако ещё несколько лет назад ежедневно мимо их двора тянулись печальные вереницы, сопровождаая почивших горожан в последний путь. Довольно часто они находили у забора цветы, выпавшие из траурных автомобилей. И несмотря на то, что бабушка строго-настрого запрещала прикасаться к ним, они иногда ослушивались – поднимали очередную тигровую лилию и пугали друг друга страшным цветком. Всё превращалось в обыденность. Даже смерть.

– Да ты что, прикалываешься? Бабушка нас убьёт! – Соня стукнула ладонью по велосипедному рулю.

– А кто скажет ей? Ты? – Аня подошла ближе. И хотя они с сестрой имели одинаковый рост, в этот момент Соне показалось, что та нависла над ней.

– Иди ты, – Соня отвернулась. – Погоди!

– Чего?

– Какая малина? – Соня вспомнила, что ягоды, растущие возле дома, ещё не поспели.
– Ещё не время.

– Почему? – нахмурилась Аня.

– Так, рано ведь ещё. Не созрела, – Соня надеялась переубедить её.

– Ничего не рано, – возразила Аня. – Там удобрения хорошие. Не понимаешь, что ли?

– Фу! Это ужасно, – скривилась Соня. – Я не буду в этом участвовать.

– Тогда и есть не будешь.

– Не очень-то хотелось, – в любом случае, Соня не собиралась даже прикасаться к ягодам, собранным на кладбище.

Сашка вернулся быстро – он ехал с закинутой на плечо сеткой, в которой блестела на солнце банка.

– Молодец, – Аня запрыгнула в седло велосипеда, а Соня, как всегда, взгромоздилась на жёсткий багажник.

В сборе ягод она решила не участвовать, а молча бродила среди могил, рассматривая фотографии. Сашка ходил неподалёку.

Почти везде ограды соприкасались друг с другом – чтобы пройти между ними, приходилось поворачиваться боком. Соня любила рассматривать красивые памятники и фотографии на них. Часто здесь люди были изображены улыбающимися, красивыми. Тихий, солнечный день. Они прошли к старым могилам, расположенным у самой ограды. На этих участках людей почти никогда не было. Слишком старые.

Соня толкнула брата в бок и показала на мальчика лет пятнадцати, стоящего у могилы на соседнем участке. Но Сашка не обратил внимания, а, брякнув что-то вроде «Пошли назад», развернулся в обратную сторону.

– Подожди! – окликнула Соня брата. Он остановился:

– Ну?

Она не отводила взгляда от мальчика, изучавшего старый металлический памятник, выкрашенный в белый цвет. Видимо, услышав их голоса, он обернулся и встретился с ней взглядом. Соне вдруг стало очень неловко. Она попыталась изобразить что-то вроде улыбки и выдавила беззвучное: «Привет». Как будто испугавшись, парень отшатнулся назад и прижался спиной к ограде. Такая реакция смутила Соню ещё больше, и она, решив не усугублять ситуацию, поспешила за братом. Проходя между оградками, она, как обычно повернувшись боком, зацепилась шортами за острый кованый наконечник. Тут же отлетела пуговица и, звонко ударившись о прутья, укатилась внутрь ограды – как раз под ноги мальчишке. Соня не стала доставать её, а резко отвернулась и побежала за братом.

– Вот засада! – раздосадованная Аня стояла у выхода с пустой банкой в руках.

– Чего? – Сашка подошёл к ней и поднял с земли своего железного коня.

- Ягоды ещё не поспели, еще пара дней, – она постучала пальцами по стеклу. Соня рассмеялась.
- Что смеёшься? – рыкнула на неё сестра.
- А что мне не смеяться-то? – Соня огляделась вокруг и, решив, что кладбище не место для задорного смеха, успокоилась и перевела дух. – Я вообще-то предупреждала.
- Да иди ты! Саш! Возьми банку! – Она протянула банку брату.
- Нет. Мне и так жарко, сама вези. – Отмахнулся он. – Поехали домой.